

125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

Театр

ВЕЛИКАЯ

АКТРИСА

трудолюбивая, удивительно женственная, делящая любовь и не требующая за службу благодарности актриса.

«Ермолова!

В вечер 14-го числа вы доставили много и много нам наслаждения. Мы не считаем нужным сдерживать себя от письменного выражения глубокого уважения к вашему таланту.

Мы уважаем вас.

Студенты Николай Михайлов, Николай Соколов.

16-е октября 1874 г.».

Написано на вырванном из тетради листке линочной бумаги.

Никаких объяснений своих чувств, никаких красивых фраз. «Мы уважаем вас». Дано лучшее, что могли предложить: уважение.

Мария Николаевна, став уже на всю Россию известной актрисой, очень часто читала перед самой любимой ею публикой — студентами. Вот что вспоминает об этом биограф и горячий почитатель Ермоловой И. Е. Эфрос:

«Бывали поразительные сцены, когда Ермолова читала на концертах у студентов...»

Гудит море молодых голов... А впереди, на возвышении, — Ермолова. Бледная, в черном, с тихой, точно немного виноватой улыбкой, с чем-то не то тоскующим, не то угрюмым в глазах.

Я вижу эту протянутую, как сигнал к тишине, руку. И море замерло. И гудит над ним металл могучего голоса, и бьет, как молот, по сердцам, выбивая искры восторга и гнева.

Был январь 1878 года. Только что умер Некрасов. На эстраде Ермолова. В руках ее том в палевой обложке. — «Отечественных записок».

Смолкли уста благородные... Плачьте, гонимые, плачьте, голодные... Плачьте, несчастные, сирые, бедные...

И Ермолова зарыдала. Частые слезы падают, падают из глаз на страницу журнала... И с ней зарыдала вся зала вслух. И артистка, и зала опустили в могилу того, кто был властителем их дум, чьи «песни, поющие муки народные, по сердцу бывшие», были и для той и для другой высшим поэтическим откровением. Это был похоронный марш. И под его звуки получила новое крещение слава Ермоловой.

Надо помнить, как свирепствовала тогда цензура. Как приходилось тогда поэтам говорить «эзоповским языком». Ермолова искала для чтения в концертах стихи, отвечавшие запросам молодежи. Ее преобладающим свойством было, по словам ее друга и учителя профессора Стороженко, «страстная любовь к свободе и еще более страстная ненависть к тирании».

Многие спектакли благодаря Марии Николаевне превращались в политическую демонстрацию, со сцены звучал призыв к борьбе за свободу. Вот почему во времена жестокой реакции ей запрещали играть «опасные» роли. Так было, например, в мрачные годы после революционно-демократического подъема 60—70 годов, ей запретили исполнять главную роль в пьесе Лопе де Вега «Овечьий источник». Так было в годы яростной реакции, последовавшей после революции 1905 года. Ермолова тогда решила оставить сцену. 4 марта 1907 года она давала прощальный спектакль в Малом театре. Власть всячески препятствовала желанию всей Москвы превратить этот спектакль в гигантскую демонстрацию. Вот свидетельства очевидцев:

«Ермолова помнит бури в театре, помнит 7-ое марта 1876 года, свой первый бенефис, и 19 января 1896 года, свой четвертьвековой

юбилей. Но того, что было в Малом театре на прощание, не видела еще и Ермолова...».

«Ей подали золотой венок, — вспоминает Е. Д. Турчанинова, — и публика стала кричать, чтобы она надела его на голову».

«Ленский и Южин, — вспоминает другой очевидец, — сняли венок с платья, подойдя к растерявшейся, побледневшей, почтеннейшей артистке, возложили венок ей на голову. Такого венчания русская сцена еще не видела...».

Вся Москва послала своих представителей на этот спектакль. Это была подлинная революционная демонстрация — протест против царявшего произвола, против реакции.

...После Великой Октябрьской революции Ермолова стала выступать перед новым, народным зрителем. Новый зритель восторгался Ермоловой, желал видеть ее на сцене. Но почти все роли трагического характера, требовавшие огромного напряжения от актрисы, заканчивавшей пятый десяток своего служения театру, были уже невозможны для нее по состоянию здоровья. И все-таки Ермолова пошла навстречу народному зрителю. Уже после празднования своего 50-летнего юбилея Ермолова в 1920 году в выездном спектакле выступала в знаменитой сцене встречи двух королей из третьего акта «Марии Стюарт».

...В приветствии от Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, которое было вручено первой Народной артистке Республики 2 мая 1920 года, было драгоценное для нее признание: «В зале Малого театра пролетариат получил от старого мира в наследство лучшее, что в нем было, — искусство, и среди этого искусства лучшую «расту» — Марию Николаевну Ермолову».

Л. ГОВЗМАН.

«Мария Николаевна Ермолова — это целая эпоха для русского театра, а для нашего поколения — это символ женственности, красоты, силы, пафоса, искренней простоты и скромности», — писал К. С. Станиславский — восторженный поклонник таланта великой актрисы.

2 мая 1920 года в Малом театре состоялось юбилейное чествование Ермоловой. На нем присутствовал Владимир Ильич Ленин. Представителем Народного комиссариата просвещения на вечере был Отто Юльевич Шмидт. Он, приветствуя Ермолову, прочел постановление СНК о присвоении Марии Николаевне почетного звания Народной артистки Республики.

Мария Николаевна Ермолова первая получила это звание.

Это был поистине исторический момент в летописи русского театра: впервые дело актрисы, ее творческий труд признавался правительством как дело государственной важности и всенародного значения...

Дед Марии Николаевны — Алексей Семенович Ермолов имел шестерых детей — четырех сыновей и двух дочерей. Старший, Александр, был драматическим актером. Второй сын, Петр, и младший Иван окончили балетную школу. Третий сын, Николай (отец Марии Николаевны), был суфлером в Малом театре. Обе дочери — Клавдия и Вера — были танцовщицы.

Мать великой актрисы, Александра Ильинична, страстно любившая театр, уже с раннего детства читала девочке вслух пьесы, начиная с Полевого и кончал Шекспиром.

В своих «Воспоминаниях», написанных для журнала «Новая раampa», Мария Николаевна говорит:

«Помню, когда мне было еще три года от роду, я сидела в суфлерской будке на коленях своего отца и с жадностью смотрела, что делается на сцене... Отец

редко брал меня с собою, но те впечатления, которые я выносила после каждого виденного мною спектакля, заполняли все мои мысли и желания. Театр стал для меня самым дорогим в жизни и привязанность к нему возрастала все больше и больше. Даже детские игры — и те были наполнены театральным содержанием. Помню, как с помощью моего двоюродного брата я одевалась в длинную юбку своей матери или бабушкину кофту, как стулья ставились у нас вверх ногами, чтобы создать впечатление сцены, и как я бросалась на колени, кого-то о чем-то умоляя и прося...».

Она мечтала стать «великой» актрисой с... четырех лет!

И убеждение, что она будет «великой» актрисой, росло вместе с ней. Росло и тогда, когда она подростком декламировала «Марию Стюарт», и тогда даже, когда Самарин, прослушав ее, нашел несочасной. Даже этот суровый приговор не смутил ее. И когда неожиданно ей, шестнадцатилетней балетной ученице, считавшейся «немоловой», предложили роль Эмили Галотти (в пьесе Лессинга «Эмилия Галотти»), даже тогда она не удивилась...

Волею случая юная Ермолова оказалась на большой сцене — спектакль давал Малый театр. Но то, что произошло, когда юная актриса вышла на сцену, случайностью не назовешь.

Безвестная ученица штурмом взяла Москву.

Вот что вспоминает писательница Т. Л. Щепкина-Куперник: «Я еще застала очевидцев этого спектакля. Подробности его известны из истории театра; все мне ясно сводилось к одному: «Что-то необыкновенное по силе и таланту». И при этом ей было только шестнадцать лет».

Этот спектакль состоялся 30 января 1870 года. Печальный в ее более чем полувековой сценической жизни.

С первого и до последнего своего дня на сцене Ермолова жила только для искусства — для Искусства с большой буквы — и душу свою отдавала театру. Может быть, для того, чтобы понять яснее смысл ее жизни, стоит обратиться вот к этим записям в книжке, которые она делала незадолго до смерти. В них актриса выразила предельно точно правила, по которым жила и от которых ни

когда не отступала. «...если живете с другими — служите им и не требуйте за любовь — любви, за службу — благодарности...». «...вспоминайте, что минута, которую отнимет у вас лень, может быть вашей последней минутой». «...оставляйте суровость всегда и будьте в обращении с людьми, как дети, незлобливы».

Именно так она и жила,